

Александр ШУРАЕВ

ОТЧИЙ ДОМ НА ОРЛОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

Моё детство прошло в деревне Ново-Поветкино, в 30 километрах от Орла. Родился я в самую страдную пору – 11 августа (1929 года).

Вот что я мог видеть из своей колыбельки, подвешенной к потолку. Самое крупное сооружение – это, конечно, печь. Она занимала много места и служила местом обитания для всего живого в доме. На печке спала постоянно бабушка и, немного повзрослев, я тоже.

В закутке возле печки, сразу от входной двери, в зимние морозы содержались новорождённые телята и ягнята. Так было интересно, проснувшись на тёплой печи в морозное утро, обнаружить живое существо – телёнка! Стоя на слабых ногах, он пытался дотянуться до того, что можно жевать. Не уследишь – и сжует, что подвернётся: рубаху, полотенце...

На полке над закутком зимой хранился лук, а летом созревали помидоры. В «печурках» (треугольных углублениях по бокам печки) сушились варежки, носки, портянки и другие мелкие вещи. У печной трубы в суконной тряпочке хранились вилки (чтобы не ржавели).

Топили печь в основном соломой. На кирпичный под (пол печи) ставили разного размера чугунные сосуды с облицованной внутренней поверхностью (чугуны) с приготовляемой пищей или водой для поила скоту. Между ними засовывали пучки соломы. Она быстро сгорала, и приходилось непрерывно отправлять в печь всё новые порции.

Около печи стояли кочерги и ухваты или, как их у нас называли, рогачи. Этими рогачами подхватывали и задвигали в печь чугуны. Был ещё «каток», деревянный цилиндр, который подкладывали под рукоятку ухвата, чтобы перемещать тяжёлые чугуны. Печь долго сохраняла тепло. Летом её топили очень рано, причём пища сохранялась тёплой до позднего вечера.

Целым событием была выпечка хлеба. От предыдущей выпечки в глиняном кувшине сохранялась опара. Мать и бабушка время от времени нюхали её, определяя качество. Из ржаной муки в деже (низкой деревянной кадке) заводилось тесто, мука с закваской-опарой тщательно вымешивалась руками. Дежа закрывалась холстиной и шубой, перевязывалась верёвкой и оставлялась до утра в тёплом месте. Слышалось, как пыхтит, бродя, тесто.

Печь для выпечки хлеба очень жарко топили дровами. Под тщательно выметали и на широкой деревянной лопате, обсыпанной отрубями, сажали большие колобки, штук шесть. Иногда под них подкладывали листья капусты. Через определённое время огромные (по 3–5 кг) ковриги вынимали, укладывали на лавку и укрывали рушником. Какой аромат стоял в избе! Одной выпечки хватало недели на две.

А какой вкус у свежего (да и чёрствого) хлеба, особенно горбушки, натёртой чесноком и посыпанной крупной солью! С таким куском бегали мы, ребятишки, встречать стадо, угощая им своих коров. Правда, родители нас за это ругали. Есть полагалось дома.

Настоящим лакомством считался белый, пшеничный, хлеб, который отец изредка привозил из города. Хлеб белый, полубелый, пеклёванный, сайки, крендели, баранки – просто объедение с молоком.

Справа от печи стояла кровать родителей, а через узкий проход, уже у наружной стены – кровать, на которой спала моя старшая сестра Нина.

Большое место в избе занимала грубка. Это отопительная печь, названная, как я совсем недавно узнал, по имени немецкого инженера Грубера. Облицованная белым кафелем, она выглядела очень нарядно. Топили её тоже в основном соломой. Сидя зимой у этой тёплой печки, я слушал редкие рассказы отца о войне, знаменитом Брусиловском прорыве, о Будённом, Ворошилове и Щаденко, которых он видел, когда служил в Первой конной армии.

Грубка делила избу на две части. Место от входной двери до неё считалось кухней. Там стояли стол под окном, ведро с водой у самого порога и лохань или таз. Над лоханью умывались, поливая на руки из ковшика или кружки. В углу на полке сиял самовар, который к праздникам бабушка чистила до зеркального блеска суконкой с кирпичной пылью.

Больше всего пространства приходилось на горницу с двумя окнами. В красном углу висела икона на окладе, кажется, Богородица. Перед иконой зажигалась синяя лампадка. Бабушка перед едой и перед сном всегда молилась.

Вдоль стен стояли широкие лавки. И здесь же – обеденный стол, покрытый клеёнкой, над ним была подвешена семилинейная керосиновая лампа. При её ярком (как тогда казалось) свете долгими зимними вечерами дети готовили уроки, а взрослые занимались рукоделием.

Зажигание лампы составляло целый ритуал. Делал это обычно отец. Он встряхивал ёмкость, проверяя наличие керосина. Тщательно чистил, тёр бумагой закопченное стекло («пузырь», по нашему), настраивал яркость свечения. Если ждали кого-то поздно, то лампу не гасили, а уменьшали свет.

Пол у нас был деревянный, но не крашенный, шишковатый из-за сучков. Подметали его веником из полыни, а к праздникам скребли большим ножом – «косарём» (им ещё и лучины щепали для разжигания самовара).

Кроме лавок, мы имели несколько табуреток. Любимым моим занятием было делать из табуреток поезд и возить его по полу. Мать, всегда больная, слабым голосом просила меня не шуметь. А я страдал от скуки. Ведь я последний в семье, разрыв в возрасте с Ниной больше пяти лет. Вот и искал себе развлечения.

Очень большой интерес вызывал у меня буфет, где хранилась чайная посуда, сахар, чай в красивых жестяных баночках. А больше всего меня влёл фруктовый чай. От него можно было незаметно отламывать кусочки и наслаждаться вкусом сухих груш, слив, малины.

Интриговал меня и сундук, в котором хранились таинственные предметы – цветы из воска, украшения к свадебной фате, бисер, стеклярус, серёжки. Всё это лежало в специальном боковом ящичке. А на дне сундука – какие-то атласные и бархатные вещи, вышитые полотенца (рушники). Крышка, оклеенная изнутри картинками из журнала «Нива», захватывала воображение. Особенно мне запомнились изображённые типы народов, населяющих Россию. Сами названия казались мне странными: черемисы, вотяки, мордва.

У окна, что смотрело прямо на восток, висел отрывной календарь. Отец всегда проверял время восхода солнца по календарю и тут же поправлял время, переводя стрелки на часах-хо-

диках, тикавших рядом на стене. На циферблате радовала глаз красивая картинка с деревенским пейзажем.

Часы в случае поломки чинила мать. Она мыла весь механизм в керосине, для регулирования хода подвешивала к гирьке разные предметы (чаще всего это были ножницы).

Другая стена, южная, предназначалась для семейных фотографий, в рамках, под стеклом. На одной из них – я с отцом и матерью, в возрасте семи лет, когда впервые ездил в Орёл, где мы и сфотографировались.

Стены избы и даже потолок были оклеены газетами. Читать я научился (лежа на печи) по заголовкам «Известий» и «Пионерской правды». Запомнилась фотография М. Горького в гробу и членов Политбюро в почётном карауле.

Книг у нас скопилось немало. Отец привёз после демобилизации из Первой конной армии целый мешок. Подшивки журнала «Нива» за годы Первой мировой войны, тома «Войны и мира» Л. Толстого в кожаных переплётках с золотым тиснением... «Тихий Дон» М. Шолохова мы приобрели позднее. Жуткое впечатление произвёл на меня эпизод казни подтёлковцев в романе.

Читал я и Гоголя. Сидя вечером, в сумерках с «Вием», я от страха выбежал дочитывать повесть на улицу.

Газет в нашей семье выписывали много: «Известия», «Социалистическое земледелие», «Пионерскую правду», «Орловскую правду», районную газету...

Чем же занимались обитатели дома? Летом, конечно, работой в поле и огороде. А зимой мать, бабушка, сестра Нина сидели за рукоделием. Пряли на деревянной прялке нити (пряжу) из овечьей шерсти («волны», как называли у нас). Мне нравилось крутить колесо прялки, за что меня нередко наказывали, так как я мешал работать. Из шерстяных ниток вязали варежки, носки, а из тонкой пряжи – шали. Из пеньки тоже пряли нити. Из этих толстых нитей вязали «карпетки». Это такие лёгкие чуни или тапочки для ношения летом. Отец из пеньки делал верёвки разной толщины в зависимости от потребностей.

Не последнюю роль в нашем крестьянском быте играл и ткацкий станок. На моей памяти его монтировали из хранившихся на чердаке деталей. Он занимал большую часть горницы. На нём в мою пору ткали дорожки для пола, а раньше полотна для полотенец, скатертей, нижнего

белья и т. д. И мне приходилось донашивать домотканые штаны, ходить в школу с домотканой сумкой.

Наша семья считалась обеспеченной. А как же! Только мы в деревне владели патефоном, и никто в семье не носил лапти или чуни. Все ходили в валенках, и подшитых, и с галошами. Все носили овчинные шубы. Выделывал овчины отец. Он обрабатывали их чем-то очень кислым (квасцами), скоблил с помощью специального крюка. Шили шубы для семьи у нас дома. Приглашали скорняка, и он строчил на нашей швейной машине «Зингер».

Я, самый младший, донашивал одежду старших. Когда я однажды в пальто не по росту явился на колхозный ток и стал размахивать длинными рукавами, кто-то из мужиков воскликнул: «Вот петух латынский явился!». Почему именно «латынский», не знаю, но прозвище надолго пристало ко мне.

Питалась семья скромно. Обычно на первое подавались суп картофельный или щи с «затолочкой». Это значит, что в супе (или щах) варилось мясо. Оно отделялось от костей, тщательно измельчалось (толклось) и вновь возвращалось в общую ёмкость. Таким образом, каждый получал в свою чашку небольшую порцию мяса.

Сливочное масло ели не каждый день. Я лакомился маслом в награду за труд. Оно сбивалось из сметаны в глиняной кринке. Горловина затыкалась пробкой из чистой холстинки, и на колене кринка долго встряхивалась. По звуку определяли, что масло сбилось в комок. Ну а награда была в том, что толстым слоем масла намазывался кусок хлеба. Очень вкусно! Летом делали окрошку. На второе часто готовили картофельную запеканку: толчёную картошку на сковороде, сверху обмазанную яйцом и запечённую в горячей печи.

Помню гречневую кашу с молоком. И ещё кулеш из пшена. Только по праздникам варили холодец. В сенях зимой стоял ящик с солёной хамсой («камсой», говорили у нас). Оказывается, камса – вполне литературное слово, а вот то, что модные ныне анчоусы и камса-хамса – одно и то же, я узнал совсем недавно. Это было лакомством для нас, особенно для Нины. Она могла есть эту камсу и после чая.

Не помню, чтобы часто появлялись на столе яйца, кроме, конечно, Пасхи. Вот когда я болел, меня лакомили гоголем-моголем: яйцом всмятку с молоком.

До войны я не имел понятия о сыре, колбасе, шоколаде. До сих пор помню, какое удовольствие доставляли конфеты-подушечки с начинкой из джема. Их долго сосёшь, а потом языком извлекаешь из серединки джем. Сахар был большим дефицитом. Покупали «головку» сахара, завёрнутую в синюю бумагу, весом, наверное, не меньше килограмма. Её раскалывали сначала на большие куски, затем специальными щипчиками кололи на мелкие кусочки. Когда пили чай, каждому выдавалось несколько таких кусочков. Обычно я выпивал чай без сахара («вприглядку») и, зажав в кулаке белые осколочки, залезал на печь, где продлял удовольствие.

Гости у нас бывали нечасто. Запомнились уполномоченные из района, которые приезжали проверять работу отца, председателя колхоза. Их всегда угощали. Стол сервировался: ставились тарелки, подавались вилки, которыми в обычные дни не пользовались (и первое, и второе ели деревянными ложками). На стол подавалось самое вкусное. И, конечно, холодец с горчицей, как главная закуска к выпивке.

Никто в деревне не имел бани. Мы мылись в корыте. Не существовало и туалета. Отхожее место находилось в хлеву, а чаще справляли нужду, подыскивая укромное место под кустом или где-нибудь за углом.

Бельё стирали дома в корыте, а полоскать ходили к маленькому пруду на Гусаковском лугу. Когда несколько хозяек полоскали бельё, раздавался перестук вальков. А вальёк – это деревянный брусок с рукояткой. Им били-колотили бельё. Так лучше выбивалась грязь из тканей. Хотя и был у нас уют, нагреваемый древесным углём из печки, чаще всего бельё «катали»: наматывали на скалку и катали рубелем (бруском с рубцами). Ткань становилась мягкой и почти гладкой.

А что же представлял наш дом снаружи? Деревянная хата, покрытая соломой. Состояла она из двух частей: жилой с тремя окошками, которую я только что описал, и нежилой. Разделяли их сени, куда входили прямо с большого камня у порога (без крыльца), а далее идёшь либо в жилую часть, либо в хлев. В старой, нежилой половине наибольший интерес для меня представлял отцовский верстак. За попытки что-либо попилить или построгать мне от отца попадало. Но не отсюда ли пришли ко мне навыки обращения со столярным и плотницким инструментом?

Хлев мне помнится вечно грязным и зловонным. В нём жили корова с телёнком, овцы,

поросёнок, куры. Погреб в углу позволял хранить в достатке квашеную капусту, солёные огурцы, мочёные яблоки, не говоря уже о картошке, свёкле, моркови и редьке.

Ещё дед Наум обсадил усадьбу тополями. Он сумел подобрать саженцы без единого женского дерева, и тополя у нас никогда не «пылили». Перед домом стоял старый амбар. Что в нём хранилось, не помню. Как-то Нина изобразила на рисунке нашу усадьбу с домом, этим амбаром и мною на качелях. Помню, как я, взлетая на качелях, горланил, безбожно перевирая мотивы, песни того времени: «Катюша», «Три танкиста», «Если завтра война».

Перед домом росли вишни. А в яблоневом саду мы выращивали такие сорта, как апорт, пепин шафранный, антоновка и другие.

Две или три колоды пчёл давали немного мёда. Воду приходилось таскать из колодца метров за двести от дома. Это входило в обязанности отца. Зимой и летом по утрам он приносил в ведрах нужное количество воды для бытовых нужд и для скота.

Когда я прочитал «Оду русскому огороду» Виктора Астафьева, на меня повеяло таким знакомым с детства ароматом укропа, чеснока, свежих огурцов, всего того, что было знакомо с самого раннего детства. На моей памяти проходило освоение новой для того времени огородной культуры – помидоров. За рассадой ездили (а чаще ходили пешком) в деревню Мерцалово, 15–18 км от нашего села. Сорта были позднеспелые, краснели помидоры только после того, как полежат на тёплой печке под ватным одеялом или в валенках.

Огородом кормились всю зиму. Огород служил и местом укрытия наиболее ценных вещей в годы войны. От немцев прятали зерно в круглой яме. Патефон тоже спрятали в земле и забыли место. Только после войны случайно обнаружили этот патефон, уже проржавевший.

Родительский дом сгорел в одночасье 7 или 8 мая 1943 года. Машину с радиопередатчиком немцы замаскировали под деревьями сада, впритык к скотному двору. Что-то у них загорелось, а погода была сухая – и моментально вспыхнула солома, запылял весь дом...

Я, сидя на завалинке, играл на балалайке, когда раздался крик: «Горим!». Всё сгорело. Каким-то чудом успели выхватить лишь швейную машину «Зингер». Особо жалко книги, до сих пор жалко. Я не раз пытался купить у букини-

стов хотя бы несколько экземпляров «Нивы», да всё казалось дорогим...

На месте старой избы отец после войны построил новый дом. Ни снаружи, ни внутри он ничем не напоминал прежний. Но память о моём детстве хранили тополя, фруктовый сад и огород.

Окружающий меня мир в раннем детстве я познавал в обществе взрослых. Меня называли «погонялкой» за то, что я всегда гонялся за старшими, чтобы убежать из дома. Наверное, первым объектом моего любопытства был колхозный двор, устроенный сразу за нашим огородом. Там всё было интересно. И конюшня с лошадьми, на которых очень рано учились мы ездить верхом, и ток, на котором молотили зерно.

Какой музыкальный перестук звучал на току, когда пять – восемь человек слаженно били по расстеленным стеблям ржи или пшеницы цепями (деревянными брусками, привязанными к длинным рукояткам)! Позднее хлебные злаки обмолачивали уже на барабане. Его приводили в движение лошади, которых гоняли по кругу. А перед войной появились так называемые сложки, сложные машины, которые совмещали в себе и молотилку, и веялку. Зерно от такой машины сразу можно было затаривать в мешки. Работала сложка от тракторного мотора.

Во время покоса наши бабы, возвращаясь с работы поздно вечером, пели протяжные песни. Мелодии этих песен я чувствую, когда слушаю симфонии П. И. Чайковского и особенно нашего земляка В. С. Калинникова.

Балалайка стала первым инструментом, который приобщил меня к народной музыке. Под балалайку молодёжь устраивала вечеринки с танцами на мосту у Гусаковского луга. Так звучно отбивалась на деревянном настиле чечётка! Редко звучала у нас в селе гармонь.

Под мостом мы учились курить. Хотелось казаться взрослыми. Главное, чтобы дым шёл, а поэтому чаще курили не табак, а сухие листья огородных культур или вату из фуфайки. Эта детская забава у меня не привилась, курильщиком я не сделался.

Вот несколько эпизодов из моего детства, на всю жизнь запечатлевшихся в моей памяти.

На Этапе (так называли посёлок Жилиевский) действовал детский сад, под который отдали бывший дом Лыгина, раскулаченного и высланного крестьянина. Этот единственный в округе кирпичный дом под железной крышей сто-

ял на краю посёлка. Воспитателем работала Акулина Яковлевна Карпухина. Смутно помню, как водила меня туда Нина.

Один раз я увязался с отцом в колхозную контору. Отец в это время работал колхозным счетоводом. Контора находилась примерно в полтора километра от нашего дома, на Этапе, справа по шоссе от Жилиевского. Ещё до революции на путях следования заключённых в расстоянии дневного пешего перехода (около 30 км) строились пересыльные тюрьмы. Вот в одной из камер такого кирпичного здания, окружённого кирпичной же стеной, и обосновалась колхозная контора.

В период оккупации на Этапе размещалась штрафная рота немецких солдат. Видимо, этим штрафникам так плохо жилось, что они оттуда убегали. Один убежавший напугал мою мать. Она полоскала бельё на нашем крохотном пруду. И вдруг из кустов вылез солдат в немецкой форме и обратился к ней на чужом языке: то ли еды просил, то ли хотел переодеться в гражданскую одежду. Какова дальнейшая судьба этого солдата, не знаю.

Дети очень любили магазин сельпо (сельского потребительского общества) на Полозовских дворах. Туда тянуло как магнитом. Ведь там продавались игрушки и конфеты. От знакомой продавщицы тёти Нюры мне перепали вкусные конфеты («Раковые шейки» и «Мишка косолапый»).

Очень радовался я её подарку – железному игрушечному автобусу с нарисованными на окошках весёлыми ребячьими мордашками. Это была единственная моя фабричная игрушка. Обычно я играл разными шестерёнками от машин да грубо сделанным деревянным конём на колёсиках.

В посёлке Михайловском меня поразили настоящий, большой пруд и руины бывшего винокуренного завода. С этого завода отец привёз двутавровые балки для погребного творила.

Наше село Поветкино жило без радио и электричества. На почте был телефон, но не помню, чтобы кто-то из наших ходил звонить. Кому звонить?

Машины, в основном полторки, реже трёхтонки, ездили по вечно разбитому шоссе, буксуя в логах и на подъёмах. Они живо интересовали нас, ребятшек. Зимой прицепишься крючком за борт и катишь на коньках-снегурках, прикрученных к валенкам. А уж редкие самолё-

ты и дирижабли, пролетавшие далеко над Грачевником (осиновым лесочком в полутора километрах от деревни), – это бурный восторг и горячее обсуждение.

Первое сильное ощущение радости жизни, единения с природой я испытал, наверное, в пять-шесть лет. С бабушкой Татьяной мы отправились в деревню Фандеево, где тогда работала продавцом магазина её дочь Анна (тётя Нюра). Яркий солнечный день конца мая или начала июня. Всё зелено, масса цветов. Идём по Гусакоскому лугу, а над нами летают чибисы и кричат: «Чи вы, чи вы?» – «Да поветкинские мы!» – отвечает им бабушка.

Магазин и квартира тёти Нюры были в бывшем барском каменном доме с садом, обсаженным по периметру высокими елями. На деревьях гнездились грачи, птицы громко кричали. Мой старший приятель Лёша лазал на деревья и доставал грачиные яйца, из которых получалась очень вкусная яичница.

Однажды Лёша собрал нас, несколько мальчишек, и повёл ловить раков на речку Маховицу. Для меня, семилетнего, это казалось далековато. Но поход удался. Утомлённые и довольные мы принесли улов домой. Однако моя мать, увидев шевелящихся и клацающих клешнями раков, наотрез отказалась их варить. Так мне тогда и не удалось попробовать варёных раков.

Тяга к знаниям зародилась у меня в раннем детстве. Я связываю её с семейным культом чтения. К семи годам я умел читать, но из-за маленького роста меня в школу не пустили. Как же я горько плакал, стоя у окна в дождливое утро 1 сентября 1936 года и наблюдая за ребяташками, идущими учиться! Через год я поступил в Жилиевскую начальную школу. Моя первая в жизни школа!

Располагалась она в деревянном здании, но под железной крышей. Внутри – две классные комнаты и между ними большой зал, где мы водили хороводы («А, бояре, мы к вам пришли, молодые, мы к вам пришли...» или «А мы просо сеяли, сеяли»). В пристроенной к школьному зданию квартире жил учитель.

Заведовал школой Пётр Антонович Первущин, высокий старик (что старик – это так мне тогда казалось), с бородкой и усами. Особенно мне запомнились его высокие белые валенки-чёрсанки, каких никто, кроме него, в деревне не нашивал.

132

Моей первой учительницей стала Сусанна Александровна. Классы были сдвоенные. Учились в одном классном помещении первый и третий классы и второй и четвёртый.

В 1938 году я впервые получил впечатление о празднике 7 Ноября. Из школы нас повели на митинг к сельсовету. Мы шли нестройной жиденькой колонной – школа-то начальная, учеников всего около сорока. В руках у нас флажки из розовых листочков-промокашек на палочках. Стоя на стуле, я с крыльца сельсовета читал стихотворение про папанинцев: «Четыре папанинца жили на льдине, на самой вершине Земли». Я громко кричал, мне аплодировали. После митинга правление колхоза устраивало в нашей школе праздничный обед. Сначала школьников угощали лапшой с бараниной и выдавали каждому пакет с гостинцами – конфеты, пряники. А после нас приходили взрослые со своим спиртным и гуляли.

Учёба мне давалась очень легко. В четвёртом классе Пётр Антонович доверял мне заниматься со вторым классом (диктовать задания). Очень нравилось летом посмотреть учебники очередного класса, почитать учебный материал и попытаться решить задачи. За отличные успехи в учёбе каждый учебный год я получал похвальные грамоты.

В 1941 году я окончил четыре класса. В августе ходил в деревню Рыково записываться в пятый класс Гавриловской семилетней школы. Но из-за войны занятия так и не начались.

Война, оккупация, угон нашей семьи в Германию... Об этом у меня отдельные воспоминания. На долгих четыре года я был оторван не только от учёбы, но и не имел возможности регулярно читать. Этот пробел в своём образовании, пришедшийся на самый продуктивный период жизни (12–16 лет), я ощущаю всю жизнь.

Моя школа сгорела в первую зиму оккупации.

Продолжить учёбу я смог только в 1945 году. Мне 16 лет, образование – четыре класса. До призыва в армию не успеваю окончить даже семь классов. И тут мой товарищ по учёбе в начальной школе Алёша Рыжиков подсказал идею обратиться к директору школы А. В. Щербаковой с просьбой принять меня сразу в шестой класс. Я так и сделал.

Просьба моя удивила Антонину Васильевну. Она спросила: «А не хотите ли вы, молодой человек, сразу в восьмой?» Но всё же порекомендовала готовиться.

Я с жадностью набросился на учебники пятого класса. С огромным удовольствием прочитал историю Древнего мира, географию, ботанику. А вот русский язык и особенно математику одолеть не смог.

В конце августа вместе с оставленными на осень неуспевающими пятиклассниками пришёл писать диктант. С удивлением обнаружил, что Толя Моськин пишет «корова» через «а» и ещё делает массу ошибок. Толкаю его ногой под стол и показываю, как надо писать. Прочитав мой диктант, Антонина Васильевна удовлетворённо хмыкнула и пригласила сдавать экзамен по русскому языку устно. Тут-то я и «поплыл». Я с трудом отличал (да и теперь не очень-то отличаю) части речи от членов предложения. Но, по видимому, сказалась врождённая грамотность. Когда не задумываюсь о правилах, пишу грамотно, а если начинаю вспоминать правила правописания, то часто делаю ошибки.

Поскольку из-за уборки урожая учебный год начался с опозданием, математику я сдавал Нине Васильевне Кукушкиной уже в сентябре. Сдача окончилась полным провалом. Я и до сих пор не знаю, почему в уравнении произведение крайних членов равно произведению средних. Сестра Нина, готовившая меня к экзамену по математике, не могла понять, почему я такой тупой в этом предмете. Тем не менее меня допустили к занятиям в шестом классе условно.

Учёба, однако, так меня увлекла, что вскоре я оказался самым успевающим учеником. Кроме учебников, перечитал весь фонд школьной библиотеки (правда, очень бедной). Долгими зимними вечерами готовил уроки и читал книги при свете «коптилки» (сделанной из патронной гильзы), лежа на сундуке с головой на столе в землянке дяди Антона, где на площади около девяти квадратных метров нас размещалось шесть человек. В носу скапливалось столько сажи, что снег вокруг чернел, когда я сморкался.

Успешно я окончил шестой класс. Хотелось побыстрее получить специальность. По совету Коли Пронина, который к этому времени окончил Орловское железнодорожное училище и уже работал помощником машиниста паровоза, я подал документы в это училище. Но по зрению в помощники машинистов меня не пропустили, а зачислили в группу кочегаров. Кочегаром мне быть не хотелось. С большим трудом забрал документы и вернулся в деревню продолжать учёбу в школе.

Окончив семилетку, я получил свидетельство с отличием, дающее мне право поступать в средние учебные заведения без экзаменов. Я поехал в Орёл поступать в техникум текстильно-го машиностроения. Но в очереди за морсом (пить хотелось!) у меня украли документы. Главным документом было свидетельство об окончании семилетней школы. Я терял целый год, так как получить дубликат свидетельства не успевал до окончания вступительных экзаменов. Вернулся домой удручённый.

И вдруг удача! Получаю письмо из Орла с моим свидетельством об окончании семилетки. Мир не без добрых людей. По обратному адресу на конверте я разыскал парня примерно моего возраста, который нашёл моё свидетельство в подвале разрушенных во время войны торговых рядов. Мы с ним поискали другие документы, но ничего больше найти не удалось.

На моё счастье попало объявление, что продолжается приём документов в Орловскую фельдшерско-акушерскую школу (ОФАШ). Но на 120 мест оказалось около тысячи заявлений, из них почти 100 человек имели свидетельства об окончании семилетки с отличием. Директор школы невропатолог Сергей Сергеевич Орлов вынужден был устроить экзамен и отличникам. Сначала мы писали заявления о приёме в школу. И на этой нехитрой процедуре ему удалось отсеять несколько претендентов, которые не смогли грамотно написать. Оставшимся устроили экзамен по русскому языку в форме изложения. В своем изложении я сделал одну ошибку. Написал «проект» через «э» и получил четвёрку. Экзамен по конституции я сдал успешно.

Ура! Зачислен на первый курс ОФАШ. Но С. С. Орлов дал нам задания, которые мы должны были выполнить до 1 сентября. Нам с Виктором Зайцевым требовалось наловить лягушек для экспериментов по физиологии и фармакологии. Мы их наловили почти полное ведро на реке Орлик, в районе Дворянского гнезда.

С какой жадностью я набросился на учёбу, причём не только по специальности, а ещё и для восполнения пробелов в общем образовании. Записался сразу в три библиотеки: городскую им. Н. К. Крупской, областную медицинскую и свою школьную. Поставил себе цель прочитать прежде всего произведения орловских писателей.

Одолел полное собрание сочинений Тургенева, много произведений Лескова. А потом пе-

реключился на Л. Толстого, Достоевского, других авторов.

Впервые попал в драматический театр, посмотрел «Коварство и любовь» Шиллера, «Бесприданницу» Островского, а в кукольном театре – спектакль «Волшебная лампа Аладдина». Побывал на читательской конференции Ильи Эренбурга по его роману «Буря». Ходил в кино-театры на все премьеры фильмов. В школе пел в хоре, но из-за полного отсутствия музыкального слуха был из хора вскоре удалён.

Жил я сначала на Песчанской улице у тёти Соры (Серафимы), сводной сестры моей матери. Из-за тесноты тётя Сора отправила меня жить к своей дочери Ольге Дурневой на улицу Октябрьскую. Это район, описанный И. Тургеневым в романе «Дворянское гнездо».

Ютился я во флигеле дома Н. С. Лескова в одной комнате с Ольгой, её мужем и их маленьким сыном. На втором курсе переехал на улицу Энгельса. Снимали мы с Виктором Зайцевым маленькую комнатку в большом частном доме.

Жили мы с ним очень скромно. Питались в основном картошкой и хлебом. Иван Пронин, муж Нины, в то время работал бухгалтером в Госконюшне и часто ездил в Орёл. Он привозил мне картошку. Мать Ивана зимой присылала круги замороженного молока. По карточкам я получал хлеб и половину пайки съедал по пути домой. Осенью 1947 года карточки отменили.

При всех трудностях это самые светлые, самые счастливые годы моей жизни. В школе сложился необыкновенно добрый коллектив преподавателей. Нас учили не только профессии, но и старались сделать из нас людей высокой культуры. Тем более что большинство из нас вышли из сельской местности, к тому же в годы войны мы не учились в школе два, а то и все четыре года.

Две сестры – Мария Ивановна Литвинцева, преподаватель русского языка и литературы, и Евдокия Ивановна Баскакова, преподаватель физики, на всю жизнь остались для меня воплощением интеллигентности. Это и грамотная речь, и аккуратность в одежде, и манера держаться. Латинист Николай Иванович Кравченко дал такой запас знаний по латыни, какой я не получил позже за все годы учёбы в институте. Преподаватели клинических дисциплин сумели дать нам не только практические навыки, но и привили любовь к медицине как науке. Ведь недаром почти треть моих товарищей по группе стали врачами.

137

На всю жизнь запомнились мне преподаватели глазных болезней Людмила Александровна Цветкова, родоначальница династии известных в Орле врачей-офтальмологов, и Василий Николаевич Преображенский. Благодаря им я избрал специальность и остался верен ей всю жизнь.

Душой коллектива был незабвенный Сергей Сергеевич Орлов, директор школы, строгий и добрый. Он читал интереснейшие лекции с демонстрацией увлекательных сеансов группового гипноза. С ним мы ходили на субботники по очистке города от развалин, по озеленению. В школе работал замечательный кружок бального танца. И везде с нами был Сергей Сергеевич.

На летних каникулах я пас скот. Пастухи уже не занимались, как раньше, до войны. Теперь хозяева пасли скот по очереди. Со стороны, наверное, я выглядел странно: в соломенной шляпе, с книжкой. Спал на копне сена под открытым небом. Тогда у меня появился интерес к небесной сфере. Через много лет я показывал своим внукам созвездия: Большую и Малую Медведицу, Кассиопею, Орла, Лиру, Лебедя...

В июне 1950 года я окончил фельдшерско-акушерскую школу с отличием. Получил направление в распоряжение Хомутовского райздравоотдела. Но на выпускном вечере С. С. Орлов и особенно зав. библиотекой Варвара Михайловна (фамилию её забыл, кажется, Шильганек) на-

стойчиво рекомендовали мне продолжить образование в институте.

Я посоветовался с Иваном и Ниной. Они в один голос заявили, что будут мне помогать. И я решился. Подал документы в Смоленский медицинский институт, по окончании которого получил направление в Кузбасс, где прошла вся моя дальнейшая жизнь.

Свою принадлежность к орловскому краю впервые ощутил я, наверное, попав в город Орёл летом 1936 года.

Мне около семи лет. Когда мне сказали, что завтра едем в Орёл, я решил не спать, так как боялся, что меня обманут и не возьмут с собой. Но проснулся я ранним утром в телеге на сене. Лошадь стучала копытами по деревянному мосту через речку Неполодь. Впервые в жизни я видел речку и гусей, плывущих по воде. Ехали мы втроём: отец, мать и я.

В городе меня поразили трамваи и дома в несколько этажей. Когда я видел на картинках большие строения, то недоумевал, как же люди забираются на верхние этажи? И, чтобы им помочь, подрисовывал к зданиям лестницы.

Гостили мы у тёти Вари в частном доме на улице Свободы. Теперь и улицы такой в Орле нет, весь бывший частный сектор застроен многоэтажками и выглядит вполне урбанистически.

Кемерово

